

X.

Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд, иначе несовершенное существовало бы без того, что придаст ему совершенство, а это невозможно, коль скоро Бог и природа всегда даруют необходимое. Между любыми двумя правителями, из которых один вовсе не подчинен другому, может вспыхнуть раздор, и они или их подчиненные могут быть виновными, что само собой очевидно. Следовательно, их должен рассудить суд. И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права. И он или будет монархом, или нет. Если да, мы имеем то, что требовалось доказать; если же нет, у него в свою очередь будет равный ему вне пределов его правоспособности, а тогда вновь будет необходим кто-то третий. И так получалось бы до бесконечности, чего быть не может: следовательно, нужно дойти до первого и высшего судьи, чье суждение прекращает все раздоры либо косвенно, либо непосредственно, и это будет монарх или император. Следовательно, монархия необходима миру. И это соображение имел в виду Философ, говоря: «Существующее не хочет иметь дурного порядка; но многовластие есть нечто дурное; следовательно, правитель один».

XI.

Кроме того, мир лучше всего устроен, если высшую силу в нем имеет справедливость; вот почему Вергилий, желая похвалить тот век, который, казалось, зародился в его времена, пел в своих «Буколиках»:

Вот уже Дева грядет и с нею Сатурново царство.

Ибо Девой именовалась Справедливость, которую именовали также Астреей; Сатурновым же царством называли лучшие времена, которые звались также золотым веком. Справедливость имеет высшую силу лишь при монархе; следовательно, для наилучшего устройства мира требуется монархия или империя. Для уяснения предпосылки следует знать, что справедливость сама по себе и рассматриваемая в своей природе есть некая прямизна, или прямая линия, не терпящая никакой кривизны ни там ни здесь, а потому она не бывает большей или меньшей, как и не бывает таковой и белизна, рассматриваемая абстрактно. Ведь такого рода формы образуют нечто сложное лишь привходящим образом, сами же по себе они заключаются в простой и неизменной сущности, по правильному утверждению магистра, написавшего сочинение «О шести началах»; такого рода качества получают большую или меньшую степень лишь от своих носителей, в которых они усматриваются в зависимости от того, больше или меньше примешано противоположного к этим носителям. Следовательно, там, где всего менее примешано противоположного к справедливости как в смысле предрасположения, так и в смысле действия, там справедливость имеет высшую силу. И тогда поистине можно сказать о ней то, что говорит Философ: «Ни Геспер, ни Денница не бывают столь удивительны». Ведь тогда она подобна Фебе, взирающей на своего брата с противоположной стороны, из пурпура утренней прозрачности. Что касается предрасположения, справедливость вступает иногда в противоречие с волей; ведь поскольку воля не вполне чиста от всякой страсти, постольку даже при своем наличии справедливость не присутствует всецело в блеске своей чистоты, ибо носитель ее хотя и в минимальной степени, но противодействует ей; вот почему правильно отводят тех, кто пытается возбудить страсти в суде. Что же касается действия, то в этом случае справедливость встречает препятствие со стороны возможности ее осуществления: ведь поскольку справедливость есть добродетель по отношению к кому-то, постольку без возможности воздавать каждому свое каким образом способен действовать кто-либо в соответствии с нею? Отсюда явствует, что чем справедливый могущественнее, тем шире будет простираться справедливость в своем действии.

На основе этого разъяснения будем аргументировать, следовательно, так. Справедливость имеет в мире высшую силу тогда, когда она свойственна тому, кто обладает высшей волей и властью; таковым является один лишь монарх; следовательно, только присущая монарху справедливость обладает в мире высшей силой. Этот просиллогизм строится по второй фигуре, с подразумеваемым отрицанием, и он подобен следующему: всякое В есть А, только С есть А,